

Первые побеги лука и шнитт-лука уже проклюнулись, через несколько дней лук уже можно будет срезать. Лук — истинно ленивая культура: посадил один раз — и больше не тревожь. Срежешь одну грядку — через несколько дней отрастёт новая. Главное — не делать этого в дождь, а то корни сгниют. Даже зимовку переносит стойко, а весной снова пойдёт в рост. Можно сказать, раз посадил — и навсегда обеспечен. Правда, он имеет свойство расползаться корнями, так что нужно следить, чтобы не заполонил весь огород.

Самую обычную рассаду — баклажанов, огурцов, люффы и перца — уже пора было рассаживать. Фасоль, стручковую фасоль и гиацинтовые бобы тоже посадили, но по несколько штук — эти культуры обильно плодоносят, много не нужно. Огурцы, люффу и бобы ещё придётся подвязывать на шпалеры.

Ду Ань особенно настойчиво рекомендовал Фан Шэну горькую тыкву — для тех, кто склонен к «внутреннему жару», она самое то. О вкусе, впрочем, можно было поспорить. Фан Шэн с радостью посеял её у себя в изобилии, а вот Чжао Ба лишь тоскливо вздохнул: не пробовал ещё, а уже по названию чувствуется горечь.

Посеяли немного и салатного сельдерея, который на севере встречался нечасто. У него вкусны и листья, и стебли. Не забыли и о любимом Ду Чжунпином горохе: листья красивые, цветы собраны в нарядные кисти, стручки симпатичные, да и на вкус хорош. Ду Чжунпин специально прихватил с дороги разные сорта — и те, где едят сами горошины, и те, где лакомятся целыми стручками.

Петрушки, сельдерея и чеснока тоже надо было немного — без них в готовке не обойтись. Особенно чеснок: его перья годятся как приправа, а молодые стрелки — уже самостоятельное блюдо.

Фан Шэн поделился ещё семенами тыквы, восковой тыквы, кабачка и горлянки. Всё это сажали по одному-два растения — урожай обещал быть таким, что не съесть. Тыквы, восковые тыквы и горлянки выростали огромными, по несколько цзиней каждая. Кабачки помельче, зато плодоносили без усталости — даже если есть их каждый день, двоим не управиться.

Посадили-пересадили с десятков культур за два дня — и вдруг обнаружили, что зелени-то почти и нет, одни тыквы да бобы. Срочно досеяли пекинской капусты и пак-чой. В итоге и без того не маленький огород оказался забит под завязку.

У невестки Ван была большая родня, жившая неподалёку, и каждый год в страду они приходили на помощь. Поэтому Дачжу быстро вернулся к привычному распорядку: утром — учёба у Ду Чжунпина, после обеда — помощь по хозяйству у Ду. Вот только его младший брат, Эрчжу, теперь, как тень, следовал за ним повсюду.

Эрчжу и не мог иначе — родители с утра до ночи в работе, и он всегда ходил хвостиком за старшим братом. Теперь, когда Дачжу, словно объезженный конь, каждый день являлся к Ду, Эрчжу естественным образом потянулся следом. К тому же, если считать даже с дедушкиной стороны, Эрчжу был самым младшим в роду. А тут появился Цзинь-эр, ещё меньше его, — перед ним Эрчжу чувствовал себя настоящим героем и с удовольствием приходил с ним играть. Ну и, конечно, у дяди Ду всегда было столько вкусного!

Ду Чжунпину не мешало, что детей стало больше. Они не шумели, да и воспитаны были неплохо. Пока он занимался с Дачжу, двое младших играли рядом, и не нужно было специально приглядывать за Цзинь-эром. А когда настаивал черёд учить самого Цзинь-эра, то и Эрчжу мог присесть послушать. Цзинь-эр был ещё мал, сейчас они проходили «Троесловие» и

«Сто фамилий». Ду Чжунпин подавал материал как занимательные истории, так что дети слушали не отвлекаясь.

После обеда малыши часто крутились возле Дачжу. Цзинь-эр уже знал иероглифы и умел рассказывать истории (пусть и сбивчиво, Эрчжу слушал, раскрыв рот). Эрчжу, чувствуя, что в этом ему не тягаться, принялся хвастаться старшим братом, с упоением расписывая, как тот лазил по деревьям за птичьими яйцами и нырял в реку за рыбой и креветками. Цзинь-эру всего-то четыре года, Ду Чжунпин его всячески оберегал, стоило тому исчезнуть из виду на минутку — и отец уже волновался. Где уж ему было слышать о таких деревенских забавах? Образ Дачжу в его глазах мгновенно вырос до небес.

Дачжу и сам был не прочь повозиться с Цзинь-эром и своим братишкой. По дому у Ду работы было не так много, раз уж брат теперь всё равно таскался за ним, присмотреть за малышкой — что ж такого? Он проявлял к Цзинь-эру даже больше терпения, чем к родному брату, не только отвечал на все его вопросы, но и, если выдавалась возможность, приносил что-нибудь наглядно показать. Цзинь-эр отвечал ему всё большей привязанностью.

Не успели оглянуться, как подошла пора вязовых «монеток». Что и говорить, штука это замечательная. Ранней весной, ещё до появления листьев, ветки вяза густо усыпаны этими нежно-зелёными круглыми пластиночками с выпуклой серединкой. На вкус они сладковатые, с лёгкой горчинкой, но без неприятной горечи. По сравнению с дикими травами или, скажем, ивовыми листьями, которые всегда с горчинкой, «монетки» пользовались куда большей любовью.

Дети ели их просто так, как лакомство, а взрослые добавляли в супы или смешивали с мукой и готовили на пару — получалось и сытно. Поэтому каждый год в эту пору люди шли за «монетками».

В этом году Дачжу, как старший среди детей, предложил Ду Чжунпину взять с собой и Цзинь-эра. Он сам заберётся на дерево, а Эрчжу будет следить за малышом внизу, так что никакой опасности.

К его удивлению, Ду Чжунпин и сам загорелся идеей, позвав и Ду Аня. Ду Аню было всего девятнадцать, и с прошлой осени, после сбора дикоросов в горах, он проникся интересом ко всему, что можно добыть бесплатно, приложив лишь немного усилий. Тут же снарядил большую корзину — и в путь.

По берегу реки росло множество диких вязов, никто их не подрезал, так что ветви раскидывались во все стороны, но зато деревья были невысокими. Самые густые гроздья «монеток» висели повыше. Дачжу засучил рукава, проверил, чтобы одежда не цеплялась, и в несколько движений вскарабкался на дерево.

Эрчжу расплылся в горделивой улыбке — его старший брат самый лучший! Цзинь-эр же, наблюдая, как тот ловко карабкается, замер с широко раскрытыми глазами, сжимая кулачки. Дачжу, забравшись повыше, устроился на толстой ветке, одной рукой держась за ствол, а другой обрывая увешанные «монетками» ветки и бросая их вниз.

Эрчжу с победным кличем бросился к первой же упавшей ветке, отщипнул несколько «монеток» и сунул в рот, а потом поманил к себе ошалевшего Цзинь-эра. По мере того как сверху сыпалось всё больше веток, малыши, поедая лакомство, складывали их в большую корзину Ду Аня. Взрослые, конечно, не могли просто стоять внизу. Ду Ань выбрал дерево покрупнее и тоже полез на него. Ловкости Дачжу ему было не занимать, но в конце концов он

тоже забрался. Ду Чжунпин тоже порывался попробовать, но, памятуя о необходимости поддерживать авторитет перед учеником, лишь срывал ветки с нижних ярусов, встав на цыпочки.

Скажем честно, «монетки» — это больше для забавы, настоящий вкус у них так себе. А вот когда зацвели цветы софоры, всё было иначе. Их густой, сладкий аромат витал над всей деревней, словно зазывая людей.

Цветы собраны в длинные белые кисти, с лёгкой желтизной в сердцевине, смотрятся нарядно. Их можно добавлять в кашу, делать из них салат, паровые пирожки, лепёшки, есть просто так или сушить для чая — вещь универсальная. Вот только софора, она же акация, вся в колючках, что сильно осложняло сбор.

На этот раз Ду подошли к делу не как к развлечению, как со сбором «монеток». С ними отправились и Чжао Ба с Фан Шэном. Нарвали огромную кучу. Часть оставили Ду Аню для кулинарных экспериментов, часть Ду Чжунпин высушил для чая. Фан Шэн же часть цветов обжарил — они ведь ещё и лекарственное средство.

После тех вылазок за «монетками» и цветами акации Цзинь-эр и вовсе привязался к Дачжу. Видимо, старший брат всегда кажется младшему существом всемогущим и всезнающим. Ду Чжунпин и Ду Ань даже почувствовали лёгкую ревность: теперь Цзинь-эр, получая какое-нибудь лакомство, непременно припрятывал кусочек для Дачжу.

<http://bllate.org/book/16286/1467557>